

ЛИНИЯ ФРОНТА»

СЛЕВА НАПРАВО – СЕСТРА НАТАЛИИ НИКОЛАЕВНЫ – СВЕТЛАНА, САМА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА, ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА И НАТАЛИЯ ИВАНОВНА В ГУБЕРНСКОМ ТЕАТРЕ

Присоединилась потом Тома. Она у нас всё, что нужно, бойцам заказывает в интернет-магазинах и всегда принимает горячее участие в наших поездках к ребятам. И неважно, хорошо она себя чувствует или нет, болит или не болит у неё что-то. Тома вообще ко мне в кассу пришла билеты покупать. Заговорили про СВО, я ей рассказала, как ходим к ребятам. А она: «Можно с вами?» Да, можно, но сразу условие – мы включаем всех в группу. Создали её, когда нас стало человек 15, чтобы не перекидывать друг другу эти смс-ки. Долго думали, как группу назвать и решили «Помощь раненым» – просто, ясно. Только так входят в нашу группу, чтобы участники знали, куда мы ходим, что мы покупаем, что делаем, кто из ребят встал, кто начал ходить, кто выписался, кто ушёл на фронт. С ребятами связь поддерживаем. Вот у нас есть Ваня, у него родных нет, я ему говорю: «У тебя теперь столько тётюшек, замучаешься по гостям ездить!» Все эти парни – наши, я хочу, чтобы все это поняли.

– Ой, да она притягивает этих ребят, словно. Расскажи, как бойцов кормила, – по-дружески смеется Галина Ивановна.

– **Наталья Николаевна, рассказывайте!**

– Да, я когда вижу ребят военных, благодарю их, кланяюсь им в ноги. Узнаю их имена, мы с девочками молимся за них. Был случай, военные прошли мимо кассы, где я работаю. Не успела к ним выбежать, расстроилась. Потом ко мне обращаются, смотрю – они! Спрашивали, где перекусить можно поблизости. Я на перерыв и повела их. Спросила их имена. Очень хочу поблагодарить хозяина этого ресторана на Моховой, куда я их отвела. Через дорогу Красная площадь, он всегда рад видеть бойцов, делает им 50-процентную скидку, руку пожимает лично. Так привела я их в этот ресторанчик, предупредила официанта, чтобы сделал им двойные порции и деньги с них не брал. Быстро записала имена, за кого молиться будем. Убежала на работу, пришла обратно, мальчишки поели, ищут официанта. Я им говорю: «Всё оплачено. Парни, вы там, на фронте, делаете всё, что можно и даже нельзя, а мы – здесь!» Я им рассказала про нашу группу, объяснила, что это не мои личные средства, это нашей группы. Сказала им: «Пусть это мелочь, это пылиночка, но пусть вы знаете, что вас здесь любят, за вас здесь

молятся и очень ждут! Вы – наше всё! Я хочу, чтобы вы тени сомнений не имели, что вы – великие воины! Вы лучшие воины в мире! Таких воинов ни у кого не было, нет, и не будет! Вы – гордость наша, вы – опора наша, о чём вы говорите, о какой еде? Танк мы вам не купим, машину не купим, самолёт не купим, хотя бы так вам поможем». Потом они ехали обратно, конфеты привезли. Однажды пришла женщина в кассу, спрашивает: «Вы Наталия? Вы кормили бойцов из Новосибирска? Это Вам!» и конфеты мне дарит.

Был случай, на 23 февраля решили иконы ребятам подарить. У меня их осталось много. Ребятам «подарили» от Сергия Радонежского, наготовили много, волновались. Ехали домой, голодные, решили зайти у вокзала в кафе, поесть. Заворачиваем за угол, там ребята стоят, военные. Спрашиваем – оттуда или туда? Один – оттуда, второй – туда, третий – провожает. Говорим им: «Мальчики, наши родные, золотые, миленькие, родненькие!» Обняли их, подарили иконы: «Они вас будут охранять, оберегать». И помню паренька, Руслана, он взял эти иконы, заплакал. Снял шапку, стал плакать в неё. Я ему: «Сынок, а ну-ка, иди сюда» – обняла. Он меня обнял, потом встал на колени и начал целовать руку. Я разрыдалась. Говорю: «Нет, боец, не для того нас Господь свёл». Поплакали с ним немного. Это сложный момент – и для них, и для нас. Он сказал: «Стоя на этом вокзале, не думал, что ко мне подойдут какие-то женщины, будут с нами разговаривать, обнимать нас, целовать, благословлять нас, благодарить». Смотрю, куда-то протягивает руку. Поворачиваюсь, там ещё два бойца, молоденькие, до 30 лет. Достала иконы, стала выдёргивать им из пачки. Потом думаю, что я делаю? «Вы же туда?» Отдала им всё, чтобы ребятам раздали: «Это иконы Сергия Радонежского, будут вас защищать, они намоленные, благословленные, и будет вам большая помощь». Спросила имена, сразу записала. Благословили их. Эти мальчишки – они совсем дети, для меня они почти внуки, этот их стержень, это их удивление – все переобнимались, и они побежали на поезд. Потом в электричке я встретила ещё двух бойцов. В отпуск ехали. Иконы я все раздала, нечего было им дать. Я их поблагодарила, поклонялась им, спросила их имена, чтобы за них молиться.

Возможно, оттого, что мы к ним прикоснулись, они будут знать, что они не одни, за них будут молиться – не только их мамы, папы, жёны, сёстры, друзья, родственники, но и посторонние люди, которым это всё безразлично. Я бойцам всегда говорю: «Вы тут не дремлем!» Я им рассказываю о нашей группе, даю свой телефон.

Конечно, нам не хочется, чтобы ребята получали ранения, попадали в госпиталь. Но надо понимать, большое количество стран посылают на Украину всё, что можно, чтобы «лупасить» по нам – или кто-то думал, что ког-

ет. Потому поворачиваюсь: «Ну, что, дружить будем?» – «Ну, давайте!» Было у меня два тяжёлых бойца – Ванечка и Дима, 28 и 26 лет, один – «вагнеровец», один – с Луганска. Я тогда ещё одна ходила. Молодые парни, им казалось, что жизнь – всё, жить им не хотелось. Димка вообще со мной не хотел общаться. Ваня – помягче. Я сначала уговаривала, потом говорю: «Мне не нравится такой настрой. Вы такие воины! Вы – огонь! Вы понимаете? Что значит, жить не хотим? Вы должны жить ещё за десятилетия, которые не пришли! Вы знаете, что Островский, парализованный, слепой, написал книги, Маресьев – так же остался, как вы. И у него не такие были протезы, как у вас. Что вы нюни распустили, что за кисель какой-то? Нет, это не наш путь! Наш – вижу цель, не вижу препятствий! Встанете, переженитесь, и не забудьте на свадьбы пригласить!» И как-то постепенно и Димка стал общаться. Спросил, кто такой Маресьев. Я ахнула, сказала ему старый фильм посмотреть. Маресьев мог пойти обучать парней, а он не сдался, снова сел в самолёт и стал дальше бомбить фашистов. Женился, стал отцом двоих детей, книги писал. Это просто удивительный человек! Пришла в следующий раз к парням, они сказали, что все знают теперь – и про Островского, и про Маресьева. Так, что к школе у меня тоже претензии – давайте, наших детей лучше обучайте.

Мы ребятам на Новый год дарили подарки. Был там такой чебурашка с браслетом «За Донбасс». И все эти подарки, которые для них лежали в пакетах, были парням не настолько важны, как эта игрушка. И я знаю, что на СВО чебурашки с буквой Z есть. У многих ребят на бронезилетах эти чебурашки, они как талисманы. Ребята шутят, говорят: «У американцев – терминатор, а у нас – чебуратор!» То есть чебурашка наш воюет тоже, вот такой он у нас красавчик, трогательный.

да всё началось на Украине и завертелось с Бандерой, это где-то там? Я понимала, что если горит забор у соседа, то полыхнёт и твой дом. Поэтому, конечно, наши мальчишки стоят там не за жизнь, а насмерть, за всех нас стоят.

– **Бойцы в госпиталях сразу идут на контакт?**

– К ребятам нужен подход, не все сразу хотят общаться. Ты разговариваешь с другими парнями, он лежит или сидит, слуша-

– **Ребята ждут новых встреч с вами?**

– Они радуются, когда мы приходим! – рассказывает Галина Ивановна. – Начинаем обниматься, что-то новое нам рассказывают. Они нас ждут, и они, как магнит, нас притягивают. Вот побыли у них, хочется снова прийти. И у нас все темы, даже дома, только про госпитали, про ребят. Мы живём этой жизнью.

(Окончание интервью читайте в следующем номере «КП»)